

Ксения Кончаревич

Сербское богослужение: исторический обзор и современное состояние

Przegląd Wschodnioeuropejski 6/1, 11-26

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

КСЕНИЯ КОНЧАРЕВИЧ
Белградский университет

СЕРБСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ¹

The Serbian liturgical service: historical review and modern trends

Ключевые слова: язык литургии, перевод литургического текста, сербская православная церковь, старославянский язык

KEYWORDS: liturgical language, translation of liturgical texts, Serbian Orthodox Church, Church-Slavonic language

ABSTRACT: The essay deals with the history of the initiatives for the introduction of the Serbian language in the liturgical service of the Serbian Orthodox Church from 1870-es until the decision of the Holy Synod of Bishops in 1964 which allowed the liturgical service in the modern language. The following part of the essay presents the review of the translations of liturgical books from the first translation of the Liturgy of Saint John Chrysostom by Justin Popovic (1922) until these days. It is concluded that the most eminent Serbian theologians and the commissions of the highest organs of the Church government took part in the translation, and it is by their effort that a considerable number of liturgical books from the corpus of the Orthodox Church has been translated. The essay also points to the fact that the parallel use of the two liturgical languages in the Serbian Orthodox Church has its positive effects, but it also conceals the danger of the erratic marginalization of the traditional liturgical expression.

1.1. В связи с проблемой богослужебного языка Сербской Православной Церковинаписано немало работ². В жанровом отношении эти тексты разнообразны – есть среди них официальные заявления, прошения, постановления, популярные газетные и журнальные статьи, заметки,

¹ Работа выполнена в рамках проекта Православного богословского факультета БГУ „Сербская теология в XXI в.: фундаментальные предпосылки богословских дисциплин в европейском контексте – историческая и современная перспективы”, реализующегося при поддержке Министерства просвещения и науки Республики Сербии (Грант № 179078).

² В двухтомной библиографии протоиерея Б. Цисаржа *Један век периодичне штампе СПЦ (1869–1969)*, Београд 1971, мы находим почти 100 работ, так или иначе связанных с интересующей нас проблемой.

комментарии, а также серьезные научные труды. На основании подхода к рассматриваемой проблематике их можно разделить на работы, в которых проблематика богослужебного языка анализируется в контексте усилий, направленных на повышение уровня церковно-приходской жизни и на активизацию участия мирян в богослужении, потом работы, которые данный вопрос связывают с более широким политическим, историческим и культурным контекстом, и, наконец, работы, ограничивающиеся преимущественно филологическим аспектом данного вопроса. Тексты о богослужебном языке публиковались на страницах официальных органов Церкви, в богословской и культурно-политической периодике, в монографиях и брошюрах.

1.2. Актуализация проблемы богослужебного языка всегда теснейшим образом соотносилась с политическими и культурными обстоятельствами, со взглядами, преобладающими в общественном мнении (особенно по вопросам о национальном пробуждении и об отношении к России как «освободительнице славян», где настроения колебались от русофилии и даже русомании до разочарования и подчеркнутого дистанцирования), а также с тенденциями в церковной жизни (процветание или упадок духовности, положительное или отрицательное отношение к церковным реформам, в частности, к идеям литургического обновления). Так, инициативы, направленные на замену русско-славянского языка сербско-славянским или сербским литературным языком в православном богослужении отнюдь не случайно выдвигаются сначала на территории Карловацкой митрополии, в конце 60-х и начале 70-х годов XIX столетия: несомненно, такие явления, как разочарование вследствие потери автономии Сербской Воеводины, усиление борьбы за церковную и просветительную автономию, конфликты представителей народа, собранных вокруг С. Милетича и Й. Суботича с приверженцами патриарха С. Маширевича и высшей церковной иерархией в связи с вопросом об участии мирян в управлении жизнью Церкви (Слијепчевић 1991, 168–196), рост неприязни к русским после подавления польского восстания 1863 г. и, не на последнем месте, воздействие духовных, культурных, политических и общественных стремлений, появившихся на Западе, не могли не сказаться на взглядах карловацких клириков и мирян на многие вопросы жизни Церкви, в том числе и на выбор богослужебного языка. В Сербии проблема богослужебного языка актуализируется в конце 80-х годов XIX века, в атмосфере национального подъема после получения полной автокефалии Сербской Церкви в Сербии (1879), но вместе с тем и в атмосфере церковного кризиса, вызванного конфликтами между славянофильски настроенным митрополитом М. Йовановичем и тогдашним «прогрессистским» правительством, ориентированным на Австро-Венгрии, что

закончилось свержением митрополита и неканоническим, нелегальным установлением «новой иерархии», лояльной властям, которая будет управлять Церковью с 1883 по 1889 (Слијепчевић 1991, 312–324ссл.). Поэтому не удивительно то, что инициативу о замене богослужебного языка (о возврате к сербской редакции старославянского языка) выдвигает тогдашний министр просвещения и церковных дел М. Куянджич в открытом письме архиепископу белградскому, митрополиту Сербии Ф. Мраовичу (Кујунџић 1887, 418–419), выступая за проведение широкомасштабных реформ в Церкви, рассчитанных прежде всего на подчеркивание национального элемента (так, Куянджич предлагает повторно критически рассмотреть празднование святых, просиявших в других Поместных Церквях и особое значение придать национальным святым). Церковнославянский язык русской редакции министр, не без влияния тогдашнего отрицательного настроения Правительства к России, старается в кратчайшие сроки вытеснить из богослужебного употребления, предлагая и некоторые ограничительные меры – запрет пользования богослужебными книгами на церковнославянском языке русской редакции и их распространения. Инициатива министра вызвала живые отклики в церковной и культурной общественности; начинаются бурные полемики за и против сербско-славянского богослужебного языка, причем идеи о введении современного литературного языка в богослужение в Сербии, в отличие от Воеводины, появятся значительно позднее.

1.3. Начало XX века характеризуется некоторым спадом интереса к данной проблематике. Однако в этот период клирики и верующие предпринимают первые конкретные шаги, рассчитанные на «сербизацию» богослужения, а церковная иерархия принимает первые положительные решения по данному вопросу (постановления о введении сербского языка в Тимишоарской епархии Карловацкой митрополии 1905 и 1906 гг., постановление Священного Собора Сербской Церкви в Сербии о принципиальной допустимости совершения богослужений на сербском языке 1903 г.) (Чонић 1927, 292; Грданички 1963, 263). Новый импульс к его оживлению дали изменившиеся условия деятельности объединенной СПЦ (1920) в новом государстве – Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Третье и четвертое десятилетия XX века характеризовались, с одной стороны, процветанием духовной жизни, оживлением монашества, размахом деятельности православных братств под руководством свят. Н. Велимировича, внедрением идей литургического движения в богослужебную жизнь Сербской Церкви, открытием Богословского факультета, небывалым подъемом сербской богословской мысли, появлением множества духовных и научно-богословских журналов, и с другой, возникновением острых проблем между государством и Церковью. Идеология югославянства,

в свою очередь, также наложила свой отпечаток на проблематику богослужебного языка, что легко заметить, к примеру, в брошюре Д. Катича (Катич 1921, 7–19). В данный период в периодических публикациях появилось множество статей на тему богослужебного языка, интерес к которой проявили также авторы монографических трудов о литургических и церковных реформах (см. Кончаревич 2006, 291–306). Тогда же публикуются и первые переводы церковных служб на сербский язык (И. Попович, Л. Миркович, И. Чирич и др.), вносятся изменения в богослужебную практику.

1.4. В период после Второй мировой войны и победы социалистической революции данный вопрос актуализируется, с 60-х годов, когда начинается консолидация Церкви после тяжких ударов, нанесенных ей в кампании агрессивной атеизации и денационализации общества, и когда прилагаются интенсивные усилия к оживлению духовной жизни (рост издательской деятельности СПЦ, подъем богословского образования и т. д.). Принимаются первые конкретные решения высших законодательных органов Церкви о возможностях и ограничениях во введении современного сербского литературного языка в богослужебную практику. Претворение их в жизнь было обеспечено предварительной работой над переводом обширного корпуса богослужебных текстов с церковнославянского и греческого языков.

2.1. Особого внимания заслуживает факт, что высшие органы Сербской Православной Церкви никогда не выступали за радикальные решения, то есть не одобряли полного перехода на сербский язык и выведения церковнославянского из употребления; вместе с тем, им была несвойственна и позиция об исключительности и обязательности церковнославянского богослужения. Доклады митрополита Д. Грданичкого Священному Синоду и Архиерейскому Собору (1963 г.) и соответствующее распоряжение Синода (1964 г.) предлагают весьма умеренные решения для частичного и поэтапного введения в богослужебное употребление сербского языка. Сегодня сербские священники пользуются полной свободой выбора богослужебного языка, так что в некоторых храмах текст молитвословий произносится на сербском, а за клиросом поют по-славянски, в других слышится только славянский, в третьих текст молитв произносится попеременно на обоих языках под церковнославянское пение, в четвертых пытаются и петь по-сербски (для многих песнопений, преимущественно из Миней и Октоиха, все еще не существует переводов на современный язык). Предпочтение того или иного решения во многом обуславливается конкретными условиями, т. е. зависит от специфических местных особенностей и характеристик среды: так, в диаспоре и в местах с многонациональным составом населения служат преимущественно по-сербски, в духовных школах и в монастырях – преимущественно

по-славянски. Выбор языка зависит и от характеристик конкретной структурной части богослужения: элементы с ярко выраженной дидактической функцией – апостольское и евангельское чтение, а также совместные моления – произносятся преимущественно на сербском языке, тогда как элементы с функцией величания, возношения хвалы – антифоны, изобразительные псалмы, тропари, кондаки, богослужебные гимны – главным образом остаются на церковнославянском языке.

2.2. Древнейшее свидетельство присутствия сербского языка в богослужении мы находим у видного филолога и государственного деятеля С. Новаковича, который вспоминает, что еще в 1865 г. еп. Г. Попович предлагал ему перевести церковные книги на сербский язык, и что он приказывал читать Евангелие в переводе В. С. Караджича – шаг, который в те времена считался смелым и рискованным (Новаковић 1889, 88). Из материалов печати мы узнаем, что еще с 1916 г. в Вершацкой епархии на народном языке читают молитвы перед причастием и после причастия и поют *Херувимскую песнь*, что в г. Бечкерек и Нови Сад в 1925 г. на нем читали молитвы в день Пятидесятницы, что в Орловате песнопения воскресного канона уже годами регулярно исполняют также по-сербски, в удачном переводе С. Качанского, и что в храмах Белграда, Сербии и Боснии уже давно молитвы перед причащением произносят на живом народном языке (Чонић 1927, 291–292). П. Трбоевич, игумен Шишатовцацкого монастыря, оставил свидетельство о том, что многие верующие просили его читать по-сербски Символ веры, Молитву Господню, *Сподоби, Господи, Свете тихий* и некоторые иные молитвы, текст которых в переводе на сербский они уже записали в своих блокнотах (Трбојевић 1931, 25). Д. Грданичкий знакомит читателя с тем, что на сербском языке в период между двумя войнами уже служили некоторые видные архиереи – Г. Змеянович, Г. Летич и И. Чирич, и что сам патриарх В. Росич иногда вводил сербский язык в богослужение. Во многих храмах по-сербски служили литургию в Великий Четверток и в праздник Пасхи Господней (Грданички 1963, 264). Немаловажен и тот факт, что Велимирович, причисленный в 2003 г. к лику святых, писал духовные стихи, предназначенные для богослужебного исполнения (в качестве паралитургических песен), именно на народном языке.

3.0. Основой введения сербского языка в богослужение явилась десятилетиями продолжавшаяся работа над переводами богослужебных книг.

3.1. Хронологически первые переводы богослужебных текстов на современный сербский язык принадлежат перу Чирича (1884–1955). Выпускник Московской Духовной Академии, защитивший докторскую диссертацию в Венском университете, Чирич до принятия монашеского

пострига работал некоторое время в библиотеке Карловацкой Патриархии, а потом был доцентом, экстраординарным и ординарным профессором Карловацкой Духовной Семинарии. Помимо глубоких и всесторонних богословских знаний, его отличала и блестящая филологическая компетенция – владел он древнееврейским, греческим, латинским, французским, русским, немецким и венгерским языками. Переводы богослужебных текстов он начал публиковать еще в 1907 г. в журнале *Богословски гласник* (*Богословский вестник*), на страницах которого в течение двух лет он опубликовал переводы 43 псалмов, произносимых в суточном круге богослужений. С 1909 г. он работает над переводами паримий, тропарей, стихир и полных служб Мясопустной недели Пятидесятницы (опубликовал 38 переводов). Из числа его коротких переводов, появившихся в отечественной церковной периодике, следует упомянуть и девять молитвословий, опубликованных с 1922 по 1943 год, а также переводы 50 стихир, ирмосов, тропарей, кондаков и эксапостилариев, поемых в рамках седмичного богослужебного круга (1936–1942). Чирич заслужен в появлении первых переводных богослужебных книг на сербском языке: *Вечерње молитве*. Нови Сад, 1922 (в книге содержатся девятый час, вечерня, малое и великое повечерие); *Служба Месопусне недеље*. Сремски Карловци, 1925; *Вечерња служба у Недељу свете Педесетнице*. Нови Сад, 1928. Важнейшим переводческим трудом Чирича, бесспорно, является книга *Недеља свете Педесетнице. Празничне службе*. Ујвидек, 1942, в которой содержатся все чинопоследования и неизменяемые части следующих служб: час девятый; последование малой вечерни; последование великой (праздничной) вечерни; малое повечерие; полунощница воскресная; последование праздничной утрени; час первый, третий, шестой; последование изобразительных и Литургии по типикону Константинопольской Церкви (*Ред Божанствене и свештене Литургије, онаки као што је у Великој Цркви и у Светој Гори Атонској*, с. 273–240). Благодаря этому переводу сербские священнослужители получили возможность совершать на современном языке все службы суточного богослужебного круга, праздничное всенощное бдение и Златоустову Литургию. Впоследствии, уже задолго по смерти Святителя (в 1972 году), был опубликован и его перевод Архиерейской Литургии с примечаниями епископа Расского и Призренского (с 1990 г. – патриарха Сербского) г. Павла (полный библиографический обзор переводов Чирича см. в.: Убипариповић 2010, 111–124). Напомним, что все свои переводы епископ Ириней снабжал филологическими и литургическими комментариями.

3.2. К первым переводам богослужебных текстов на сербский язык принадлежит и весьма удачный *Акатист Пресветој Богородици* (Сремски Карловци, 1918) – труд ученого священника Л. Мирковича,

литургиста и искусствоведа, сформировавшегося в русле карловацкой традиции.

3.3. Ведущее место среди переводчиков богослужебных текстов на сербский язык, и по объему, и по качеству проделанной работы, занимает виднейший сербский богослов И. Попович. Свою переводческую деятельность (а переводил он и святоотеческие творения, агиографии, монашеские уставы и т. п.) Попович начинает с первого в сербской среде интегрального перевода Литургии св. Иоанна Златоуста (Белград, 1922), за которым последовали и другие богослужебные книги: *Велики требник* (1958, машинопись, которая распространялась по монастырям и приходам, вплоть до печатной публикации 1993 г.); *Служебник на српском језику*. Манастир Крка 1967 (машинопись – перевод был сделан еще в 1922. г.); *Божанствене Литургије*. Београд, 1978; *Мали молитвеник*. Ваљево, 1982; *Молитвеник – Каноник*. Ваљево, 1991. Попович перевел также целый ряд акафистов, канонов и молитв (так, афатисты в его переводе объединены в кн. 5 *Полного собрания сочинений*, Белград, 1999).

О методологическом подходе Поповича и его взглядах на проблему перевода богослужебного текста существенные выводы можно сделать и на основании его послесловия к сборнику *Божанствене Литургије* (1978), где, между прочим, подчеркивается:

Литургический язык – всегда язык евангельский, псаломский, молитвенный, вдохновленный Духом Святым, язык богослужения и восславления Бога, которым освящается и посвящается и народный язык. [...] Да, живой народный язык освящается богослужебным, литургическим употреблением (Поповић 1978, 227).

При работе над переводами он, как вытекает из *Послесловия*, учитывал и древнее литургическое предание, и «современную соборную вселенскую практику православных Церквей» (Поповић 1978, 228). В диахроническом подходе он опирался на рукописные служебники – русские и сербские, в доступных ему научных изданиях древних литургических рукописей, а также на печатные служебники, преимущественно сербские (например, известный *Служабник* Б. Вуковича). При работе над переводами, в целях раскрытия «древнего литургического предания», Попович консультировал и святоотеческие толкования. Сегодняшнюю практику поместных Церквей он рассматривал на основании современных служебников, опираясь, между прочим, и на переводы богослужебных текстов на новогреческий, русский, болгарский, немецкий языки. Следует подчеркнуть, что перевод Златоустовой Литургии, выполненный Поповичем в 1978, отличается от перевода 1922 г., главным образом характером литургических правок (о методологии

подхода к оригиналу в двух версиях перевода подробнее см. Вукашиновић 2012, 119–130).

3.4. В период между двумя мировыми войнами появляются и популярные издания для школьников и прихожан с параллельным церковнославянским и сербским текстом (напр. Ж. М. Маринковић, *Божанствена Литургија св. Јована Златоустог: са преводом, објашњењима и упутством за црквенословенско читање. За школску употребу и народ*. Београд, 1929).

3.5. С 70-х годов и в последующие десятилетия свои переводы, по благословению священноначалия СПЦ, публикуют Д. Давидович (*Паримије које се читају у току Великог поста на пређеосвећеним Литургијама*. Београд, 1975), Э. Чарнич (*Чин свештене и божанствене Литургије св. Јована Златоуста*. Диселдорф, 1976; *Псалтир*. Крагујевац, 1977; *Паримије*. Краљево, 1980; *Апостол (за недеље и празнике)*. Вршац, 1981; *Требник*. Крагујевац, 1983; *Велики канон св. Андрије Критског*. Крагујевац, 1984. и *Часослов*. Крагујевац, 1986), М. Матеич (*Божанствена Литургија светог апостола Јакова брата Божијег и првог епископа јерусалимског*. Вршац, 1992), еп. Х. Столич (*Литургија Пређеосвећених Дарова светог апостола Јакова брата Божијег*. Вршац, 1996. *Књ. 1: среда четврте недеље Великог поста; Књ. 2: Велики понедељак; Књ. 3: Велики уторак; Књ. 4: Велика среда; Божанска Литургија светог апостола Марка*. Вршац, 1998; *Литургија Апостолских установа*. Краљево, 2006.), еп. А. Радосавлевич (*Велики канон св. Андрије Критског*. Ваљево, 1984; *Посни триод. Света велика седмица – страсна*. Косовска Грачаница, 2008) и еп. А. Евтич (*Псалтир са девет библијских песама*. Врњачка Бања, 2000; *Паримејник*. Требиње – Врњачка Бања, 2000; *Часослов*. Београд, 2007 (книга останетa в употреблении до появления текстаофициального перевода Синодальной Комиссии); *Божанствена Литургија светог апостола Јакова брата Божијег и првог епископа јерусалимског* (Београд – Требиње 2007). Наиболее широкую распространённость получили синодальные издания переводов богослужебных книг, такие, как: *Еванђеље на српском језику за богослужбену употребу*. Земун, 1977; *Служебник*. Превод Комисије САС СПЦ. Београд, 1986; *Служебник*. Превод Комисије САС СПЦ. Београд, 1998; *Служебник*. Превод Комисије САС СПЦ. Београд, 2007; *Свештена књига Апостол. Текстови апостолских читања – превод Комисије САС СПЦ; превод прокимена и стихова – еп. А. Јевтић*. Београд, 2011). Следует также подчеркнуть исключительный вклад епископа Х. Столича в дело редактирования и издания богослужебных книг на сербском языке: *Апостол – како се чита свакога дана по седмицама*. Краљево, 2003; *Свето Јеванђеље – како се чита сваког дана по седмицама*. Врутци, 2005; *Жички и Студенички минеј*:

септембар – август. Т. 1-12. Краљево, 2006. (в церковнославянский текст миной включены и отдельные службы на сербском языке).

4.1. Отметим и факт, что параллельное употребление нескольких версий перевода одной и той же богослужбной книги создает иногда недоумения среди священнослужителей и верующих. Проиллюстрируем это несколькими примерами, сначала из текста Божественной Литургии. В зависимости от используемого перевода, Златоустова Литургия начинается по-разному:

Попович 1978: “Благослови, Владико. У миру Господу се помолимо. Господе, помилуј. Помињући Пресвету...”

Чирич 1942: “Благослови, Господару. У миру се помолимо. Господи, помилуј. Сетимо се Пресвете...”

Чарнич 1976: “Благослови, Владико. У миру помолимо се Господу. Господе, помилуј. Поменувши Пресвету...”

Божественная Литургия 1986: “Благослови, Владико. У миру Господу се помолимо. Господе, помилуј. Поменувши Пресвету...”

Как мы видим, в этом кратком сегменте заметны различия в выборе переводных эквивалентов ключевых греческих лексем (а тем самым и различия в дополнительных коннотациях – *Владика / Владар / Господар; помилувати / смиловати се*), в порядке слов, в отсутствии или наличии церковнославянских элементов в предложенных переводах.

Начало сугубой ектении в трех переводах (Поповича, Чирича и Синодальном) совпадает: “Помилуј нас, Боже, по великој милости Својој, молимо Ти се, услиши и помилуј. Господе, помилуј!”, но у Чарничамы находим такой перевод: “Смилуј се на нас, Боже, по великој милости Својој, молимо Ти се, услиши и смилуј се. Господе, смилуј се!”. В возгласе после сугубой ектении встречается ряд переводческих решений:

Попович 1978: “Јер си милостив и човекољубив Бог и Теби славу узносимо, Оцу и Сину и Светоме Духу, сада и увек и у векове векова”.

Чирич 1942: “Јер милостив и човекољубац Бог јеси, и теби славу шаљемо, Оцу и Сину и Светоме Духу, сада и увек и у векове векова”.

Чарнич 1976: “Јер си Ти милостив Бог, који воли човека, и Теби узносимо славу, Оцу и Сину и Светоме Духу, сада и увек и у све векове”.

Божественная Литургия 1986: “Јер си милостив и човекољубив Бог, и Теби славу узносимо, Оцу и Сину и Светоме Духу, сада и увек и у векове векова”.

Помимо варьирования порядка слов, выбора лексических эквивалентов, выраженности влияния привычного церковнославянского текста (в наибольшей степени это влияние заметно у Чирича, как и в предыдущем случае), здесь особое внимание привлекает

словосочетание “Бог који воли човека“ у Чарнича (описательный перевод), в отличие от гораздо более удачных решений – прилагательного *човекољубив* (Попович и Синодальный перевод) или существительного *Човекољубац* (Чирич). Описательный перевод в данном случае не только немотивирован, поскольку, как мы видели, в сербском имеются адекватные эквиваленты (впрочем, сам Чарнич в некоторых других местах – молитва первого антифона на Литургии, Чинопоследование Крещения – предлагает эквиваленты, существующие в современном сербском языке: *човекољубац*, *човекољубље*), но и неудачен аспекте ритмико-мелодической организации текста.

На основании сравнительного анализа четырех упомянутых переводов Божественной Литургии св. Иоанна Златоуста, А. Радосавлевич пришел к выводу, что и от греческого подлинника, и от церковнославянского текста, и от других сербских переводов больше всего отличается перевод Чарнича, тогда как Синодальный перевод в основном опирается на перевод Поповича, что является дополнительным подтверждением его качеств – богословских, лингвистических и эстетических (Радосавлевич 1987, 107–116).

4.2. И другие тексты, существующие в двух или нескольких переводах, вызывают смущение среди священства и верующих, особенно в наиболее частотных молитвах. Проиллюстрируем сказанное примерами из *Часослова*:

Первый Троичный тропарь в утреннем молитвенном правиле у Поповича гласит так: „Уставши од сна, падамо пред Тобом, Благи, и узносимо Ти анђелску песму, Моћни: Свет си, Свет, Свет, Боже, помилуј нас Богородицом“ (Попович 1982, 6), у Чарнича же читаем: „Уставши од сна, обраћамо се Теби, Благи, и анђеоску песму певамо Ти, Силни: Свет, Свет, Свет си, Боже, посредством Богородице смилуј се на нас“ (Чарнич 1986, 7). Перевод Чарнича включает лексемы и словосочетания, стилистически не подходящие к сакральному тексту, имеющие административно-деловой оттенок: „обраћамо се Теби, посредством Богородице“; к тому же очевидна неадекватность глагола *обраћати се* греческому *Προσπίπτομέν Σοι...* – серб. *падати (ничице) пред ким*.

Вводная формула перед 50-м псалмом у Чарнича звучит так: „Приђите да се поклонимо и паднемо ничице цару, Богу нашему. Приђите да се поклонимо и паднемо ничице Христу, цару нашему и Богу. Приђите да се поклонимо и паднемо ничице Њему, Христу, цару и Богу нашему“ (Чарнич 1986, 9). Здесь выбран подходящий эквивалент – *падати (ничице)*, но с сочетаемостью, не свойственной современному сербскому языку (буквально воспроизводится церковнославянское словосочетание *припадем ко Христу*, вместо естественного для сербского языка *да паднемо ничице пред*

Христом). У Поповича перевод отличается и смысловой и динамической эквивалентностью: „Ходите, поклонимо се и припаднимо цару нашем Богу. Ходите, поклонимо се и припаднимо Христу, цару нашем Богу. Ходите, поклонимо се и припаднимо Самоме Христу, цару и Богу нашем” (Попович 1982, 7–8).

Хорошо известная Великопостная молитва св. Ефрема Сирина также получила неодинаковые переводческие интерпретации. У Поповича читаем: „Господе и Владару живота мога, дух леньости, мрзоволе, властољубља и празнословља не дај ми. Дух здравоумља, смиреноумља, трпљења и љубави даруј ми, служи своме. О, Господе Царе, дај ми да будем свестан грехова својих и да не осуђујем брата свога, јер си благословен кроза све векове. Амин” (Попович 1982, 17). Чарнич предлагает следующий текст: „Господе и Господару мога живота, немој ми дати духа леньости, љубопитства, властољубља и празног разговора. Даруј ми, своме служителу, дух чедности, смерности, стрпљења и љубави. Да, Господе Царе, дај ми да видим своје грешке, а да не осуђујем свога брата, јер си благословен у све векове. Амин” (Чарнич 1986, 16). Попович лишь в одном месте предлагает синтагматическую трансформацию – *дај ми да будем свестан грехова својих*, имея в виду, что на сербском *гледати грехове своје* звучит крайне неестественно и буквально (можно было бы предложить альтернативное решение – *дај ми да увиђам грехове своје*, причем серб. *увиђати* имеет значение «осознавать», соответственно, подразумевает и покаянное настроение). Для греческого слова *Δεσπότης* Чарнич предлагает эквивалент *Господар*, очевидно, под влиянием переводов Чирича (другими переводчиками во всех контекстах предпочитают обращения *Владару* или *Владико*, устраняющие ассоциирование в сознании носителей сербского языка с общественно-экономическими отношениями в эпоху рабовладельческого строя), но с другой стороны, по той же причине вместо *служи Твоме* предлагает более нейтральное *служителу Твоме* (хотя в переводе Чинопоследования Крещения Чарнич оставляет церковнославянизм: *стављам руку своју на раба твога*). Подобные расхождения в текстах имеющихся переводов говорят о необходимости их критического пересмотра и унификации, лучше всего со стороны Синодальной комиссии (напомним, что официального Синодального перевода такой важной для богослужения книги, как Часослов, пока нет).

5.1. В Сербской Церкви, как явствует из вышеизложенного, сделано очень многое для приближения литургического слова верующим. Разумеется, самим обеспечением переводов литургическое возрождение в сербском народе не заканчивается, но лишь начинается. Бесспорно, однако, и то, что традиционный богослужебный язык – церковно-

славянский – остается живым в богослужебном употреблении Церкви и в сознании верующих как один из существенных признаков их религиозной идентичности и преемственности сербской национальной культуры.

5.2. Параллельное (и конкурентное) функционирование двух богослужебных языков в Сербской Церкви имеет свои положительные стороны (большая понятность текста богослужения молящимся), но вместе с тем таит в себе и опасность стихийной маргинализации церковнославянского языка. Ведь в социолингвистике известно, что состояние параллельного употребления двух языков в большинстве случаев является переходным этапом к использованию лишь одного из них, причем язык, который считается более «сложным», как правило, заменяется более «легким». Критериями сложности являются удобство для произношения, слушания и понимания и языкового мышления (Бодузн де Куртенз 1988, 89). По данным критериям сербский язык обладает несомненными преимуществами над церковнославянским, так что в перспективе вытеснение церковнославянского языка вполне возможно. К такому выводу склоняет нас, в свою очередь, и практика составления новых богослужебных текстов. Во второй половине XX века на церковнославянском языке были написаны лишь малочисленные службы и акафисты новопрославленным сербским святым, причем распространялись они, по благословению священноначалия, в переводах на современный язык: так, *Акатист свим светим Србима*, творение М. Павловича, перевел И. Попович (Поповић 1999, 379–393), *Службу и Акатист преподобном Рафаилу Банатском*, автором которых является С. Нинчич, перевел еп. А. Радович (Радовић 1989, 73–119). Новое литургическое творчество на сербском языке характеризуется живостью и открытостью плана выражения (в отличие от церковнославянских служб и чинов, нередко в ряде мест воспроизводящих уже имеющиеся в других сакральных текстах фразы и целые отрывки), а в некоторых случаях, парадоксально по отношению к нормативным отличиям поэтических молитвенных жанров, в них находят место диалектные и субстандартные явления и элементы (*Акатист светом Петру Цетињском Чудотворцу* П. Драгойловича, *Служба преподобној матери нашој Стефаниди Скадарској и Битољској новојављеној*, сочинение С. Бабич) (Драгојловић 1995; Бабич 2011, 95–135). В сербской среде на протяжении последних десятилетий появилось также немало число коротких молитв, написанных на современном языке и включенных в молитвословы для ежедневного домашнего употребления. Поскольку такие молитвословы издаются большими тиражами, многие из этих молитв пользуются широкой популярностью среди верующих (главным образом речь идет о сочинениях

Поповича и Велимировича). Отметим и то, что в творениях Велимировича находим лишь одно на (гибридном) церковнославянском языке – *Канон Пресвјатој Богородици Словесници* (Велимировић 1978, 761–766), тогда как другие его гимнографические сочинения выполнены на сербском языке: *Канон мученицима*, *Канон страдању Христовом*, *Мали канон Богојављењу*, *Мали канон Пресветој Богородици Јављеници*, *Канон уз Часни пост*, *Љубостињски канон Богородици – Царици тишине*, *Акатист светој великомученици Варвари* (Велимировић 1978, 205–209, 162–166, 542–547, 550–552, 572–580, 730–734, 223–229), многочисленные покаянные, умилительные и антифонные тропари и стихиры к Господским, Богородичным и праздникам святых угодников Божиих (Велимировић 1978, 197–186), а также службы – *Крсни молебан Христу спасителу народа српског у време нашествија иноплеменика* и *Служба новомученицима српским, седамсто тисућа на број, пострадалим за веру православно и српско име од усташа у другом светском рату* (Велимировић 1978, 681–688, 689–713) (во всех этих текстах, правда, мы встречаемся с некоторыми элементами архаизации, главным образом с лексическими церковнославянизмами).

6.1. Каково отношение современного поколения верующих, после уже полувекового опыта параллельного функционирования сербского и церковнославянского языков в сербской среде, к их богослужебному использованию? В монографии Р. Баич представлены и прокомментированы результаты статистического опроса, проведенного среди верующих разных возрастных и профессиональных категорий из Сербии и Черногории, Сербской Республики и сербской диаспоры (Бајић 1997, 193–363). Вопросы в анкете были сформулированы именно с учетом аргументов, которые высказывались в дискуссиях XIX–XX века. Первый вопрос был призван выяснить, каково отношение верующих к полному пониманию текста богослужения, следовательно, какой аспект богослужения для них является более важным – информационный или эстетический. За первый из них высказались 49,4% опрошенных, за второй («молитва возможна и при неполном понимании») – 46,6%. Большая адекватность для высказывания богословского содержания, по мнению верующих, присуща церковнославянскому языку (60,6%), оба языка обладают таким потенциалом в одинаковой степени, по мнению 32,8% респондентов, тогда как сербский язык предпочтительнее для 4,6%. Целые 73% предпочитают церковное пение на церковнославянском языке. И по критерию благозвучности церковнославянский язык пользуется большей популярностью среди верующих (84,4%). Подавляющее большинство опрошенных (91,6%) считают церковнославянский язык важным фактором сохранения традиции, национальной и религиозной идентичности серб-

ского народа, а важность церковнославянского языка для сохранения единства православных славянских народов подчеркивает 63,2% респондентов. Для современного мышления тезис о святости языка, по-видимому, неприемлем (69,4% отвергают его), но все же 26% опрошенных приписывает этот атрибут церковнославянскому языку (сербскому – 1%). Лишь 11,6% респондентов считают языковой вопрос незначительным для жизни Церкви (его важность признает 69,8%, а ключевую роль – 18% опрошенных). Важность языка для повышения уровня духовной жизни среди верующих признает 51%, а 34,2% ограничивают такую роль языка неофитской средой. А каково отношение современных верующих к свободе выбора богослужебного языка? Любопытно, что 37% опрошенных критически относятся к существующей практике, высказываясь за единообразие в данном плане, тогда как 59,8% считают ее допустимой. Лишь 11,2% респондентов соглашается с тезисом о том, что позиция сектантов лучше из-за их практики совершения богослужений исключительно на современном языке.

В процессе анкетирования выяснилось также, что церковнославянский язык «в достаточной степени» понятен 37,4% опрошенных, 50,8% понимают, но «в меньшей степени, чем сербский», а лишь 11,2% «сталкиваются с большими трудностями». К нему «полностью привыкли» 69,2% респондентов, «частично» – 26%, а лишь 4,2% «не привыкли». Какому языку сербские верующие отдают предпочтение? Большинство высказалось за комбинированные богослужения (57,8%), 20,8% за церковнославянский и 20% за сербский. О перспективе двух богослужебных языков мнения следующие: подавляющее большинство опрошенных (71,8%) считает, что оба языка – сербский и церковнославянский – останутся в богослужебном употреблении, а 24,6% думают, что церковнославянский постепенно выйдет из употребления. И, наконец, интересно проследить рекомендации верующих для проведения дальнейшей языковой политики в данной области. На вопрос о том, надо ли перевести весь корпус богослужебных книг на сербский язык, подавляющее большинство респондентов (69,2%) выбрало отрицательный ответ, вероятно, опасаясь, что это автоматически повлекло бы за собой переход на современный язык. Более приемлемым им кажется издание книг с параллельными текстами на обоих языках (78,2%). Систематическое изучение церковнославянского языка поддерживает 47,2% респондентов.

6.2. В социолингвистике выявлена закономерность прямой зависимости взглядов на язык от отношения к нему общественных, политических, культурных и других авторитетов (Baker 1992, 105–110). Разумеется, в вопросе о богослужебном языке решающую роль должны сыграть архиереи Церкви, учитывая согласованность критериев языковой политики с ее пастырскими и миссионерскими интересами сегодня

и в обозримом будущем. Однако, поскольку речь идет и об одном из основополагающих элементов национальной и культурной идентичности сербского народа, свой вклад в дальнейшее решение этого вопроса должны вносить и видные деятели и учреждения сербской национальной культуры. Именно славистика, на наш взгляд, призвана выработать основные принципы языковой политики в данной области. И филологи, и архиереи Церкви вполне согласны в одном: радикальный отказ от традиционного богослужебного языка или его стихийное исчезновение повлекли бы за собой обнищание сербской национальной культуры и сужение культурной и церковной идентичности сербского народа.

Литература

- Бајић, Р. (2007), Богослужбени језик у Српској православној цркви: прошлост, савремено стање, перспективе. Београд.
- Бодуен де Куртене, Ј. (1988), Лингвистички списи. Нови Сад.
- Вукашиновић, В. (2012), Српско богослужење. Студије из литургијске теологије и праксе код Срба. Врњци–Требиње.
- Грданички, Д. (1963), О употреби српског језика у нашем богослужењу, [в:] Гласник СПЦ. XLIV/7. 259–264.
- Катић, Д. (1921), Народна црква са гледишта народних потреба. Јагодина.
- Кончаревић, К. (2006), Језик и православна духовност. Студије из лингвистике и теологије језика. Крагујевац.
- Кујунџић, М. (1887), Писмо Високопреосвештеном Архиепископу Београдском и Митрополиту Србије Министра Просвете и Црквених послова Мил. Кујунџића, [в:] Просветнигласник. VIII/ 11, 418–419.
- Новаковић, С. (1889), Језик старе српске цркве, [в:] Хришћански весник. XI/2, 84–100.
- Поповић, Ј. (1978), О овом преводу светих Литургија. W: Божанствене Литургије. Београд. 1978, 224–232.
- Радосављевић, А. (1987), Новији богослужбени преводи код нас, [в:] Богословље. LI/2, 107–116.
- Слијепчевић, Ђ. (1991), Историја Српске Православне Цркве, т. 2. Београд
- Трбојевић, П. (1931), О реформама црквеним. Сремска Митровица.
- Убипариповић, С. (2010), Литургијски допринос епископа бачког др Иринеја Ђирића српској теологији XX века, [в:] Шијаковић, Б. (ред.), Српска теологија у XX веку, књ. 5. Београд, 111–124.
- Чонић, Д. (1927), Народни језик у православној српској Цркви, [в:] Весник Српске Цркве. XXXII/3, 384–393.
- Vaker, С. (1992), Attitudes and Language. Clevedon.

Источници

- Бабић, С. (2011), Христе, мој животу. Преподобна Стефанида Скадарска и Битољска. Подгорица.
- Божанствена Литургија (1986), Божанствена Литургија Светога оца нашега Јована Златоуста, [в:] W: Службеник. Превод Комисије САС СПЦ. Београд.
- Велимировић, Н. (1978), Сабрана дела, књ. 11. Диселдорф.

- Драгојловић, П. (2005), Акатист светом Петру Цетињском чудотворцу. Цетиње.
- Поповић, Ј. (1922), Божанствена Литургија Светога оца нашега Јована Златоуста. Прев. Ј. Поповић. Београд.
- Поповић, Ј. (1979), Божанствене Литургије. Прев. Ј. Поповић. Београд.
- Поповић, Ј. (1982), Мали молитвеник. Прев. Ј. Поповић. Ваљево.
- Поповић, Ј. (1999), Акатист свим светим Србима, [в:] Сабрана дела, књ. 5. Београд, 379–393.
- Радовић, А. (1989), Преподобии Рафаило Банатски исцелитељ: житије, служба, акатист. Вршац.
- Тирић, И. (1942), Недеља свете Педесетнице. Празничне службе. Прев. И. Тирић. Ујвидек.
- Чарнић, Е. (1976), Чин свештене и божанствене Литургије св. Јована Златоуста. Прев. Е. Чарнић. Диселдорф.
- Чарнић, Е. (1986), Часослов. Прев. Е. Чарнић. Крагујевац.